

Катасонов В.Ю.

РЕЛИГИЯ ДЕНЕГ

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ
ОСНОВЫ КАПИТАЛИЗМА



ИД "Кислород"

Валентин Катасонов

**Религия Денег. Духовно-
религиозные основы капитализма**

«Кислород»

2013

Катасонов В. Ю.

Религия Денег. Духовно-религиозные основы капитализма /
В. Ю. Катасонов — «Кислород», 2013

Предлагаемая книга впервые за сто с лишним лет с момента выхода в свет работ немецких социологов Макса Вебера и Вернера Зомбарта возвращается к фундаментальному осмыслению религиозно-духовных корней современного капитализма. Автор подвергает критическому анализу работы указанных социологов, отделяет в их концепциях «зерна» от «плевел», раскрывает новые явления в капитализме, обусловленные духовными трансформациями человека и общества в XX – начале XXI вв. В работе выдвигается принципиальный тезис о том, что сегодня все основные мировые религии переживают процесс трансформации в единую мировую религию, которую автор условно называет «религией денег». Такой «диагноз» крайне важен для того, чтобы человечество осознало глубинные причины надвигающихся на него кризисов и катаклизмов и сознательно начало отмежевываться от «религии денег». В заключительной части работы в сжатом виде излагается христианская (православная) альтернатива капитализму.

© Катасонов В. Ю., 2013

© Кислород, 2013

Содержание

Введение	6
Часть I	10
Глава 1	11
Капитализм: история понятия	11
«Рыночная экономика» – новый бренд капитализма	17
Критика материалистического взгляда на общество и историю	20
Глава 2	30
Капитализм как фрагмент русской истории	30
Капитализм и Церковь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

В. Ю. Катасонов

Религия денег

Духовно-религиозные основы капитализма

Не можете служить Богу и мамоне.
Мф. 6:24

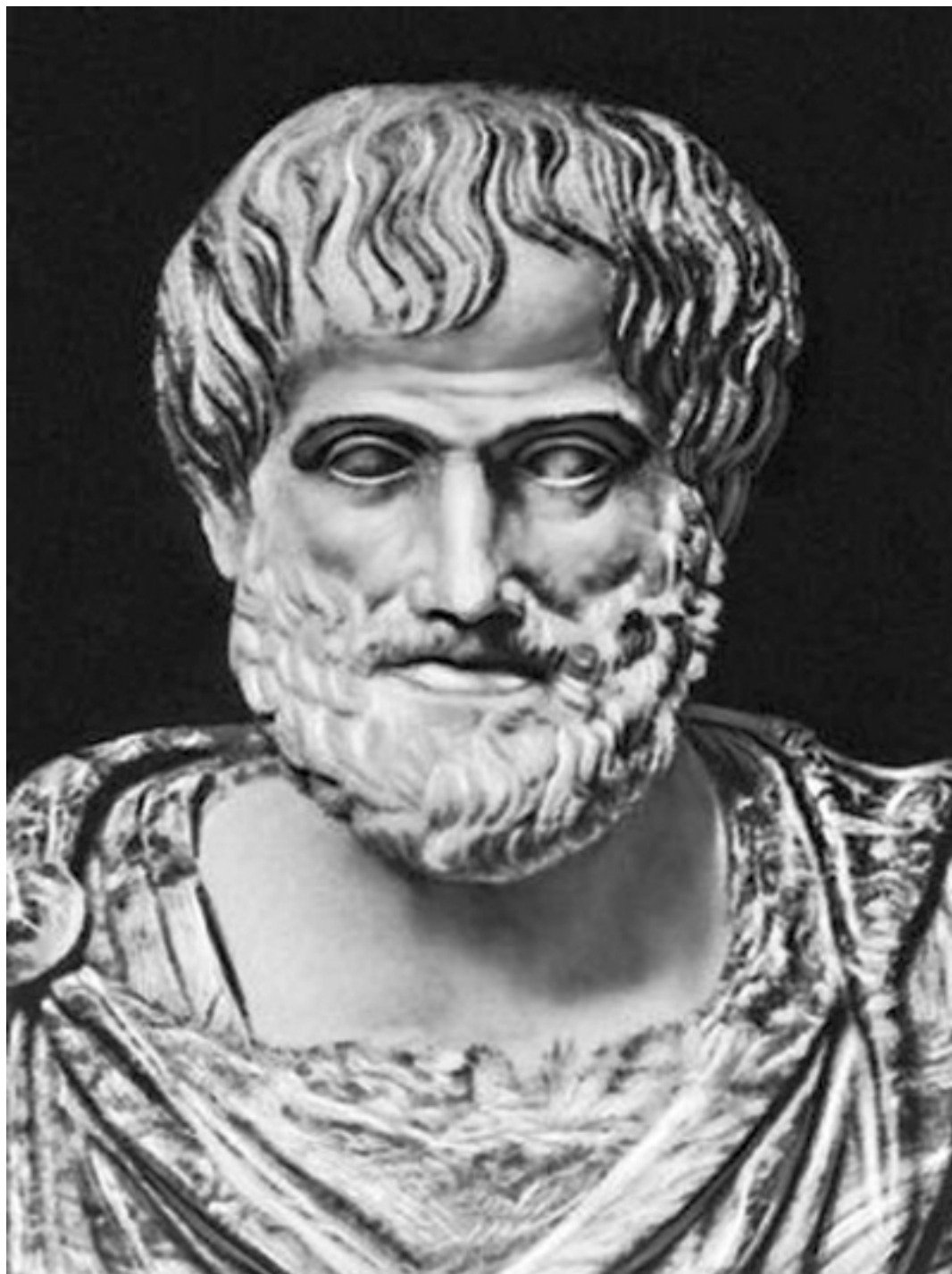


Введение

Сегодня мы живем в мире недомолвок и умолчиваний. Вроде бы у нас свобода, а человек понимает: есть темы, которые нельзя затрагивать, нельзя даже задавать вопросы. Наступил век «политкорректности» и «самоцензуры». Во все времена люди задавали вопрос: «В каком мире я живу?» и пытались на него ответить. Нынче вопросы типа «В каком мире мы, русские, оказались в начале XXI века?» звучат крайне редко, и ответы на них чаще всего бывают невразумительными. Власть на такие вопросы ответов не дает и откровенно их боится.

Даже в советском «тоталитарном» обществе руководители партии и государства не стеснялись ставить такие вопросы. Например, один из последних руководителей Советского Союза *Андропов Ю. В.* признавал: «Мы не знаем общества, в котором живем». И ставил задачу – понять, что это за общество. Мы сейчас не собираемся оценивать, насколько искренним было желание советского руководителя познать тогдашнее общество и насколько советские обществоведы успешно решали такие задачи. В данном случае мы лишь хотим подчеркнуть, насколько «зашоренным» оказывается общественное сознание в современной «демократической» России даже по сравнению с «тоталитарным» Советским Союзом.

В политическом лексиконе для обозначения социально-экономической идентичности современного российского общества употребляется набор набивших оскомину штампов: «демократия», «новая Россия», «свобода», «права человека», «рыночная экономика», «свободное предпринимательство», «правовое государство», «социальное государство», «республика» и т. п. Некоторые из этих понятий никак не расшифровываются, другие являются просто лозунгами (не имеющими никакого отношения к реальной жизни), третьи просто демонстрируют невежество тех, кто их запустил в оборот.



Аристотель

Мне, как экономисту, скажем, представляется абсурдным такое понятие, как «*рыночная экономика*». Ведь «экономика» – слово греческого происхождения и в переводе на русский означает «домостроительство». То, что мы по привычке продолжаем называть «экономикой», сегодня уже никак не назовешь домостроительством. Экономике давно вытеснило то, что в том же греческом языке называется *хрематистикой* – искусством накапливать богатство. Термин «хрематистика» был введен в оборот еще *Аристотелем*. Этот древний философ показывал, что экономика и хрематистика – антиподы, и что хрематистика губительна для

общества. По сути, она ведет к уничтожению «экономики», т. е. фактически она может быть названа «доморазрушением». Философ всячески предупреждал человечество об опасности, исходящей от хрематистики. Сегодня мы и в мире, и в России имеем не экономику, а хрематистику (спекуляции на товарных рынках, финансовые пирамиды, развитие рынка ценных бумаг и игра на фондовой бирже, ложные банкротства, рукотворные кризисы и т. п.). Хрематистика – слово мудреное, поэтому ее можно заменить термином «экономика казино»¹. В любом случае употребление слова «экономика» желательно с использованием кавычек для подчеркивания условности и некорректности этого термина в современных условиях.

Не менее абсурдным является другое слово в словосочетании «рыночная экономика». Современная «экономика» – царство монополий частных транснациональных корпораций и банков. Плюс государство как крупный (или крупнейший) хозяйствующий субъект-монополист. Там, где монополия, конкуренции нет, а где нет конкуренции – нет и рынка. Формально «независимые» компании малого и среднего бизнеса интегрированы в монопольные структуры и живут по правилам, которые диктуют гиганты бизнеса. Рынок – это, образно выражаясь, прошлогодний снег, которого на дворе XXI века давно уже не осталось. Таким образом, термин «рыночная экономика» (который стал ключевым в разных политических документах, учебниках и научных монографиях последних двух десятилетий) является идеологическим изобретением, рассчитанным не на шибко грамотных его «потребителей»².

Но вернемся к нашим размышлениям о том, что собой представляет современное российское общество с социально-экономической точки зрения. Представляется, что для описания этого общества необходимы другие слова. Например, слово «капитализм». Однако в нашей стране это слово не употребляется часто. Представителями власти – никогда. Это и понятно: разве можно заставить людей идти за властью, если она будет призывать строить «светлое капиталистическое будущее»?

Отдельные оппозиционные политики иногда упоминают, что мы живем при капитализме. Однако произошедший переход от социализма к капитализму они представляют как смену одной модели экономики на другую, более эффективную. А критике подвергают не сам капитализм, а «отдельные недостатки» его экономического механизма (например, олигархическую структуру экономики, механизм выпуска денег, недостаточность или, наоборот, переизбыток государственного вмешательства в хозяйственные процессы и т. п.).

Между тем мы имеем дело с радикальной сменой всего устройства общества: не только экономики, но также политики, идеологии, морали. По большому счету речь идет о смене цивилизации, а не о какой-то экономической реформе. А глубокого осмысления этого разворота исторического развития России ни с научной, ни с духовной точки зрения до сих пор нет.

Устроители капитализма в России прекрасно понимают: те радикальные «реформы», которые были проведены в последние два десятилетия (достаточно вспомнить, что большая часть государственной собственности за этот период была приватизирована), нельзя считать необратимыми. И это их очень беспокоит. Они понимают, что гарантией необратимости «реформ» является перенастройка духовно-нравственного «кода» людей. А этот «код» у большинства людей до сих пор (несмотря на бешеные усилия устроителей капитализма) не перенастроен. Если использовать марксистскую фразеологию, то можно сказать: «экономическую надстройку» сменили довольно быстро (приватизация государственной собственности, ликвидация государственного регулирования экономики), а «духовно-нравственный базис» общества изменениям поддается с большим трудом – с этим «базисом» устроителям капитализма еще надо возиться и возиться.

¹ Можно предложить также другие варианты, например «антиэкономика».

² Подробнее анализ термина «рыночная экономика» см.: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школьных технологий, 2011. С. 53–55, 60–62.

По большому счету вопрос о смене цивилизации должен быть осмыслен не только учеными, но и нашей Церковью. *Потому что «полная и окончательная» победа капитализма возможна лишь при полном уничтожении в народе христианских духовно-нравственных ценностей и замещении их мировоззрением не просто атеистическим (или агностическим), а сугубо антихристианским.* Наша Церковь (имеется в виду, конечно, Церковь как земная организация), к сожалению, до сих пор несколько дистанцируется от осмысления процессов втягивания России в капитализм, ссылаясь на то, что вопрос этот «специальный», относящийся к одной из сфер светской материальной жизни (экономика). Нет, это вопрос не частный и не «специальный» – это вопрос жизни и смерти (в первую очередь духовной) всех членов самой Церкви! Не без основания также говорится, что мы устали от всяких измов, что следует смотреть глубже, а не довольствоваться примитивными схемами и шаблонами. С этим нельзя не согласиться. Действительно, «за вывеской капитализма» скрывается определенная модель не только и не столько экономической жизни, сколько духовного устройства общества. Модель, имеющая явные признаки религии и церковной организации. И здесь, как мне кажется, многое еще надо осмыслить. А осмыслив, попытаться внести существенные коррективы в свою жизнь, поставив жесткие заслоны проникновению этой невидимой религии в душу.

Кратко сформулирую следующие основные идеи (тезисы) данной книги. **Современный капитализм представляет собой, прежде всего, не экономическое, а духовное явление. Он имеет все признаки религии, его отличие от других традиционных религий заключается в том, что это де-факто существующая религия, официально не объявляющая о своем существовании. Эта нелегально (точнее сказать, незримо) существующая религия по своим основным установкам диаметрально противоположна христианству. Ее можно назвать «религией денег». Такое широкое понимание современного капитализма является условием эффективного соборного противостояния нашей Церкви нашествию религии денег. Это и условие личного спасения каждого члена Церкви. Наконец, это условие предотвращения окончательного превращения России в отсталую периферию мирового капитализма. Спасение России, Третьего Рима, – важная задача, ибо на нее Бог возложил особую миссию в земной истории.**

Часть I

Капитализм – не только экономика

Производство прибавочной стоимости или нажива – таков абсолютный закон этого способа производства.

К. Маркс, Капитал, т. I

Три источника и три составные части капитализма: деньги, деньги и деньги.

Неизвестный автор

Капитализм – рабовладельческий строй с «человеческим лицом».

Неизвестный автор

Капитализм – азартная игра на деньги.

Неизвестный автор

Глава 1

Что такое капитализм?

Капитализм: история понятия

Напомним, что слово «капитализм» было введено в обращение не так давно – в XIX веке. Оксфордский словарь утверждает, что впервые слово «капитализм» использовал английский романист *Уильям Теккерей* в 1854 году. Считается, что по-настоящему популярным слово стало в 1867 году после выхода в свет первого тома «Капитала» *Карла Маркса*. Однако, как ни парадоксально, Маркс, у которого «капитал» и «капиталист» были ключевыми категориями его исследования, крайне редко использовал слово «капитализм». Вместо него он прибегал к терминам «буржуазный строй», «буржуазное общество», «буржуазный способ производства», «капиталистический способ производства» и т. п. По мнению французского историка экономики *Ф. Броделя*, впервые слово «капитализм» для обозначения определенного типа экономики употребил французский социалист *Луи Блан* в 1850 году, примерно в то же время этим словом стал пользоваться другой французский социалист – *П. Ж. Прудон*. Однако это были единичные случаи использования слова. Тот же Бродель полагает, что слово «капитализм» стало по-настоящему популярным после выхода в 1902 году книги немецкого экономиста и социолога *Вернера Зомбарта* под названием «Современный капитализм»³. У нас есть сомнения в верности данного заключения маститого французского ученого. По нашим данным, российские марксисты уже в конце XIX века активно использовали слово «капитализм» в своей партийно-политической деятельности. Достаточно в качестве примера привести выпущенную *В. И. Лениным* (под псевдонимом Владимир Ильин) в 1899 году книгу под названием «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности»⁴. А в следующем году вышла книга «легального марксиста» *С. Булгакова* «Капитализм и земледелие»⁵.

³ Данная работа была в прошлом веке издана на русском языке: В. Зомбарт. Современный капитализм. Т. 1–2. М., 1903–1905. Т. 3. М. – Л., 1930.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3.

⁵ Примечательно, что в дальнейшем, когда Булгаков С. отошел от марксизма, он почти перестал употреблять слово «капитализм» в своих работах. Например, в его известной книге «Философия хозяйства» данное слово встречается лишь три-четыре раза.

ИЗДАНИЕ М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

Владимиръ Ильинъ.

РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА ВЪ РОССІИ.

Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной
промышленности.



Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта, Бол. Морская 65.
1899.

Обложка первого издания «Развитие капитализма в России»

Более или менее широко и активно слово «капитализм» в политической и научной литературе на Западе использовалось всего несколько десятилетий. В СССР термин активно эксплуатировался на протяжении всех десятилетий существования советской власти – как в научных, так и пропагандистских целях. Несколько поколений советских людей изучали в вузах в качестве обязательной дисциплины «Политическую экономию капитализма». Советские обществоведы «по полочкам» и «косточкам» разложили весь капитализм. Все формулировки и определения, относящиеся к категориям капитализма, были с ювелирной точностью выверены, и никакие «импровизации» и «творчества» в области политической экономии капитализма не приветствовались. Строгость была не меньшая, чем в догматическом богословии. Приведем утвердившееся в СССР определение капитализма из Большой советской энциклопедии: *«Капитализм – общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного труда капиталом; сменяет феодализм, предшествует социализму – первой фазе коммунизма. Основные признаки К.: господство товарно-денежных отношений и частной собственности на средства производства, наличие развитого общественного разделения труда, рост обобществления производства, превращение рабочей силы в товар, эксплуатация наемных рабочих капиталистами. Целью капиталистического производства является присвоение создаваемой трудом наемных рабочих прибавочной стоимости»⁶.*

Мы еще будем анализировать с разных сторон капитализм, поэтому воздержимся сейчас от детального комментирования и анализа данного определения. В целом с ним (с некоторыми оговорками⁷) можно согласиться. Отметим лишь, что в указанном несколько пространном определении вся суть капитализма заключена в следующих взаимосвязанных моментах:

- а) отчуждение свободного работника от средств производства (земля, орудия производства, сырье);
- б) превращение свободного работника в наемного работника;
- в) эксплуатация наемного работника капиталистом-работодателем, присвоившим средства производства;
- г) получение капиталистом в результате эксплуатации прибавочной стоимости.

Пожалуй, к перечисленным выше моментам следует добавить еще один, пятый момент (из приведенного выше определения): *«наличие развитого общественного разделения труда»*. Выражаясь современным языком, речь идет *о высокой степени развития рыночных отношений*. Поэтому капитализм часто и называют «рыночной экономикой».

Рынок и торговля существовали всегда, даже в самых древних обществах. Но в условиях так называемого «традиционного» хозяйства (преимущественно натурального хозяйства) рыночные отношения играли минимальную роль в жизни общества и человека. Лишь при капитализме основную часть жизненно необходимых предметов человек стал приобретать в результате рыночных обменов. Без рынка капитализм невозможен, поскольку капиталист стремится получить прибавочную стоимость не в натурально-вещественной форме, а в виде денег. А это возможно лишь через реализацию произведенного продукта труда на рынке. Итак, за

⁶ Большая советская энциклопедия, статья «Капитализм».

⁷ Одна из таких оговорок касается тезиса, что капитализм «сменяет феодализм». С таким тезисом мы не можем согласиться: капитализм, как мы покажем немного ниже, существовал еще в древнем мире, т. е. задолго до того, что в приведенном определении называется «феодализмом».

короткий срок после старта капитализма кардинальным образом изменились экономические отношения в обществе:

– в «традиционном» обществе они были сконцентрированы в «малом социуме» (семья, община, поселение и т. п.) и строились преимущественно на безденежной основе; рыночные отношения («большой социум») с использованием денег играли вспомогательную роль в жизни обычного человека;

– при капитализме экономические отношения переместились в «большой социум» – рынок (региональный, национальный, международный) – и стали строиться исключительно на денежной основе; «малый социум» стал играть вспомогательную роль⁸.

Обратим внимание на то, что в приведенном выше определении из БСЭ капитализм рассматривается исключительно как социально-экономическое явление, причем многие тонкие моменты в приведенной грубой схеме не видны. Акцент делается на эксплуатации и социальной несправедливости. Но не уделяется, например, внимание *проблеме отчуждения* труда и работника при капитализме. Она вытекает из того, что продукт труда принадлежит капиталисту-работодателю, а не работнику. Отсюда и отсутствие мотивации к творческому труду, что делает капитализм крайне неэффективным даже с экономической точки зрения. Кстати, это противоречит популярным мнениям о том, что, хотя капитализм «социально несправедлив», он тем не менее демонстрирует высокую экономическую эффективность. Вот что писал один из наиболее глубоких знатоков капитализма А. Г. Махоткин об этой особенности наемного труда: «Но главное зло и бесчеловечность капиталистического распределения состоит даже не в его несправедливости, а в отчуждении. Считается, что если работнику не принадлежит ни сырье, которое он обрабатывает, ни орудие его труда, то ему изначально не принадлежит ни продукт труда, ни сам его труд, воплотившийся в этом продукте. Пока с этим соглашались все, в том числе и сам работник, его труд – *это не его, чужой для него труд*. Отчужденный от него в пользу нанимателя. Он и относится к нему, как к чужому. Поэтому наемного работника к труду надо принуждать – постоянным контролем, штрафами, угрозой увольнения. Наемный труд принудителен и не может быть иным. Работник в его результате не заинтересован, поэтому его надо искусственно заинтересовывать... премиями... и т. п. стимулами, заранее вычтя их из основной суммы заработной платы. Кстати, стимулом в Древней Греции называли заостренную палку, которой погоняли быков»⁹.

Вопросы, связанные с этикой и духовно-религиозной стороной капитализма, тем более не рассматривались в марксизме как существенные. Старшее поколение помнит чеканную формулу марксистско-ленинской философии: *«Бытие определяет сознание человека»*. Вульгарно-материалистическое мировоззрение, исходившее из примата экономики над политикой, идеологией, духовной жизнью общества, препятствовало формированию в советском обществе целостного представления о капитализме.

Уже к середине XX века у общества, именовавшегося «капиталистическим», выявилась масса «болезней», капиталистический строй успел продемонстрировать свою социально-экономическую несостоятельность (мировые войны, жесточайший экономический кризис 1929–1933 годов, другие экономические и социальные проблемы). Особенно ярко недостатки капитализма высвечивались на фоне Советского Союза, который неуклонно укреплял свои экономические и политические позиции в мире. Слово «капитализм» приобрело устойчиво негативный оттенок. С учетом этого идеологи и политики западных стран пришли к выводу, что подмочившему свою репутацию «капитализму» следует дать новое имя.

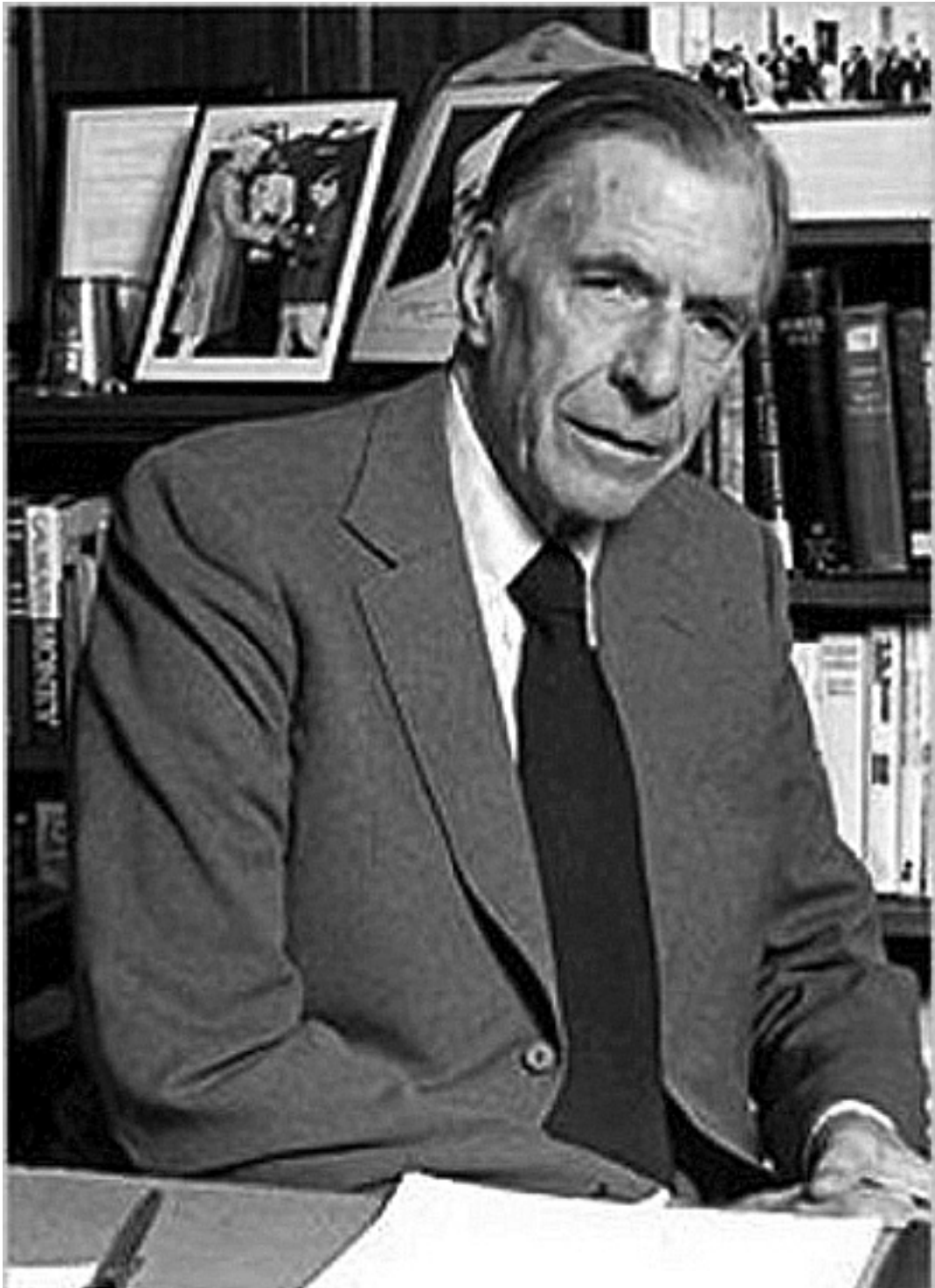
⁸ Этот процесс стремительного перехода общества к рыночным отношениям хорошо показан в работе: Карл Полаanyi. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. Карл Полаanyi (1886–1964) – американский экономист, социолог и антрополог венгерского происхождения. По степени научного авторитета на Западе его можно поставить в один ряд с такими фигурами, как Зомбарт В. и Вебер М, о которых мы будем говорить ниже.

⁹ Махоткин А. Г. Анатомия капитализма. Советская альтернатива. // Интернет.

Несмотря на титанические усилия «экономической науки», доказывать «прогрессивность» капитализма стало сложно: эта общественно-экономическая формация достаточно себя дискредитировала. Процесс дискредитации достиг своего апогея в период затяжной депрессии 1930-х годов. Об этом достаточно откровенно на излете своей длинной жизни написал *Джон Кеннет Гэлбрейт* (1908–2006 гг.), американский экономист, который, между прочим, большую часть своей жизни выступал последовательным апологетом этого самого капитализма.

В своей последней книге *«Экономика невинного обмана: правда нашего времени»* он констатирует: «Слово „капитализм“ по-прежнему употребляют лишь наиболее радикальные и откровенные защитники капиталистической системы, да и то не часто»¹⁰. В послевоенное время в марксистской литературе появился даже термин *«общий кризис капитализма»*. Официально понятие «общего кризиса капитализма» было введено в обращение на XXII Съезде КПСС, оно вошло в третью программу партии.

¹⁰ Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. – М.: «Европа», 2009. С. 20.



Д. К. Гэлбрейт

Что понималось под «общим кризисом капитализма»? Третья программа КПСС перечисляет следующие признаки:

– отпадение от капитализма все новых стран;

– ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом (в 1950-1960-е годы темпы роста советской экономики значительно превышали темпы роста ведущих капиталистических стран, хотя к 80-м годам ситуация изменилась);

– распад колониальной системы империализма (советские идеологи надеялись, что освободившиеся государства пойдут если и не по пути социализма, то, по крайней мере, по «некапиталистическому пути»);

– обострение противоречий империализма с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма;

– усиление внутренней неустойчивости и загнивания капиталистической экономики, проявляющееся в растущей неспособности капитализма использовать полностью производительные силы (низкие темпы роста производства, периодические кризисы, постоянная недогрузка производственных мощностей, хроническая безработица);

– нарастание борьбы между трудом и капиталом;

– резкое обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства;

– небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов;

– глубокий кризис буржуазной политики и идеологии.

В программе КПСС отмечалось, что «общий кризис капитализма» начался в результате Первой мировой войны и образования первого социалистического государства – Советского Союза (первый этап). Второй этап начался после Второй мировой войны и образования социалистического лагеря. Наконец, с конца 1950-х – начала 1960-х годов, «общий кризис капитализма» перешел в следующую стадию (третий этап), связанную с окончательным крахом колониальной системы и переходом ряда развивающихся стран на путь некапиталистического развития.

Мы не будем подробно комментировать перечисленные выше признаки «общего кризиса капитализма». Отметим лишь, что в целом программа партии вполне объективно отражала ситуацию, которая сложилась в начале 1960-х годов в капиталистических странах и в мире в целом. Достаточно сказать, что понятие «общий кризис капитализма» стали использовать в некоторых случаях даже немарксистские авторы. Еще следует отметить, что марксизм как вульгарно-материалистическое мировоззрение отражал лишь экономическую и политическую стороны капитализма на тот момент времени, не затрагивая его духовную сторону. А именно духовная сторона – фундамент («базис») капитализма, и именно в духовной сфере кризис капитализма проявлялся наиболее остро.

«Рыночная экономика» – новый бренд капитализма

«Профессиональные экономисты» (и прочие работники «идеологического фронта») стали активно подыскивать синонимы «неприличному» слову «капитализм». На смену ему стали приходиться различные словосочетания; сегодня «естественный отбор» выдержали термины «рыночная система», «рыночная экономика», «рыночное хозяйство» и т. п. Вот как описывает этот процесс «научных» поисков Дж. Гэлбрейт: «Были начаты поиски неопасной альтернативы термину „капитализм“. В США предприняли попытку использовать словосочетание „свободное предпринимательство“ – оно не прижилось. Свобода, подразумевавшая принятие свободных решений предпринимателями, не являлась убедительной. В Европе появилось словосочетание „социал-демократия“ – смесь капитализма и социализма, одобренная состраданием. Однако в США слово „социализм“ вызывало в прошлом неприятие (да и в настоящем это неприятие осталось). В последующие годы стали использовать словосочетание „новый курс“, но все же его слишком отождествляли с Франклином Делано Рузвельтом и его сторонниками. В итоге в научном мире прижилось выражение „рыночная система“, так как оно не имело нега-

тивной истории – впрочем, у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла...»¹¹.

С самого начала «реформ» в нашей стране термины «рыночная система», «рыночная экономика» оказались самыми употребительными. Ведь «вдохновить» бывших советских людей на строительство «светлого капиталистического будущего» по целому ряду причин (надеюсь, понятным читателю) было сложно или даже невозможно. К слову «капитализм» в наших условиях «неполиткорректные» граждане начнут добавлять всякие «нехорошие» определения типа «криминальный», «бандитский», «компрадорский», «колониальный» и т. п.

Идеологи российских «реформ» с самого начала наложили «табу» на употребление слова «капитализм». Для «нейро-лингвистического программирования» сознания (проще говоря, зомбирования) наших людей стали использоваться благозвучные термины «рынок», «рыночная экономика», «рыночная система». В современных учебниках по экономике вы можете вообще не обнаружить слова «капитализм», зато термин «рыночная экономика» встречается на каждой странице, иногда несколько раз. При этом смысл термина толком не объясняется.

Между тем термин «рыночная экономика» не менее абсурден, чем «капиталистическая экономика», и в этом трудно не согласиться с Дж. Гэлбрейтом. О том, что сегодня мы имеем не экономику, а антиэкономику, мы уже сказали выше. Но никаких признаков «рынка» мы также не наблюдаем ни в «самой рыночной» стране мира – США, ни у себя дома. Важнейшим признаком рынка, как нам объясняют учебники по «экономике», является конкуренция, которая обеспечивает «автоматическое» («стихийное») формирование цен. Последние являются «равновесными», «справедливыми» и т. п. При рыночных отношениях продавцы и покупатели имеют свободу (и возможность) выбора контрагентов, право прямого общения между собой и т. п. и т. д. Не хочу утомлять читателя пересказом учебников по «экономике», а задам вопрос: «Где вы видели такой рынок?».

Отвечу: такого рынка давно уже нет нигде в мире. Может быть, он был во времена Адама Смита, а может быть, даже до него. Рынок (также, как и экономика) давно «умер». Главная причина его «смерти» в том, что в «экономике» наступило господство монополий (трестов, концернов, синдикатов, картелей), которые стали диктовать свои условия другим участникам «рынка». О монополиях и «смерти» рынка можно прочесть в уже упоминавшейся книге Дж. Гэлбрейта. Поэтому слово «рынок» для описания современного общества также следует использовать только в кавычках. Добавим, что «смерть» «рынка» наступила также потому, что сегодня участники «рынка» давно уже утратили возможность свободного общения между собой. Между ними образовались мощные «кордоны» разных посредников, в том числе «финансовых посредников» в лице банкиров. Сегодня они не только «посредники», но также монополисты, причем самые главные. Почему? Потому что «производят» самый дефицитный в «рыночной экономике» «товар» – деньги.

Вообще, на роль термина, который может более или менее точно отразить сущность современного западного общества, претендует целый ряд слов и словосочетаний. Вполне вероятно, что они лишь дополняют друг друга, раскрывая ту или иную сторону общественного устройства.

Вот, например, американский общественный деятель *Линдон Ларуш* (достаточно известная в США фигура – несколько раз баллотировался на пост президента страны) полагает, что наиболее точно современное общество (западное, но особенно американское) можно охарактеризовать словом «фашизм». На первый взгляд, это кажется слишком неожиданным, резким и, может быть, несправедливым. Но вот как называл фашизм *Бенито Муссолини* в 1920-е годы (этот термин появился не в Германии, а в Италии): «Фашизм следовало бы более правильно называть корпоратизмом, поскольку это слияние государства и корпоративной власти».

¹¹ Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. – М.: «Европа», 2009. С. 22–23.

В 20-30-е годы прошлого столетия термины «фашизм» и «корпоратизм» часто использовались в качестве взаимозаменяемых понятий в ходе общественных дискуссий.



Линдон Ларуш

В послевоенной марксистской экономической литературе стал широко использоваться термин *«государственно-монополистический капитализм»* (ГМК). Это еще один термин, который отражает тот же самый тип общества, называемый «фашизмом» или «корпоратизмом». Современное западное (особенно американское) общество можно охарактеризовать любым из вышеназванных терминов. Основные признаки этого общества:

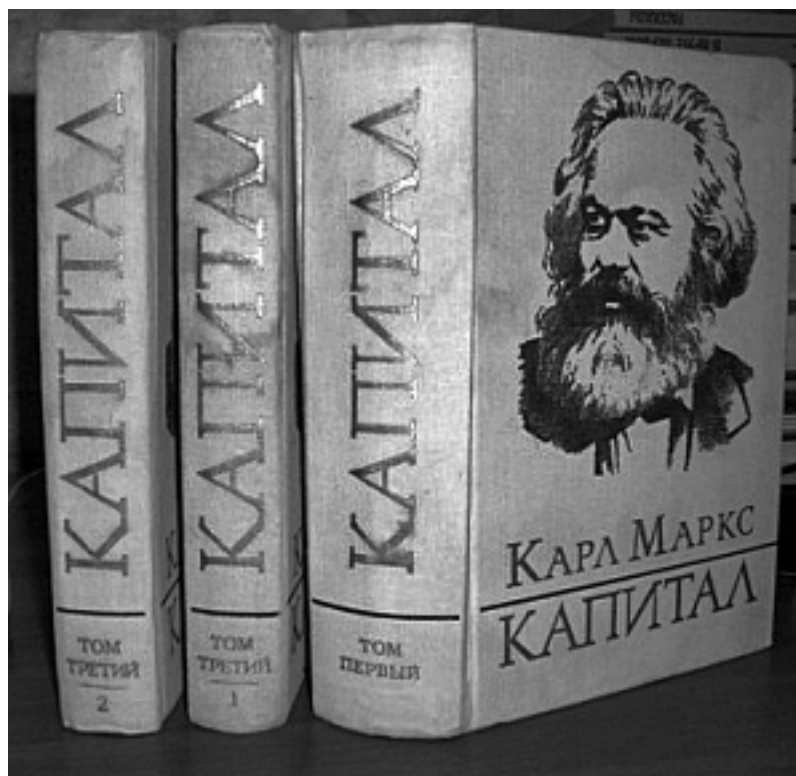
- сращивание государства и крупнейших корпораций (монополий);
- перераспределение общественного богатства в пользу очень узкой группы людей (мировых ростовщиков);
- осуществление насилия верхушки над подавляющей частью населения, причем насилие исходит как от государства, так и от корпораций (юридические законы перестают действовать, репрессивный аппарат получает гипертрофированное развитие, всеобщая слежка за населением становится нормой, усиливаются духовное насилие и прямое «зомбирование» людей и т. п.).

Таким образом, американское общество – фашистское, но верхушка США не хочет в этом признаваться. Например, в 2003 году президент США *Джордж Буш-младший* в одной из своих речей назвал три основных «зла XX века»: гитлеризм, коммунизм, милитаризм. Он использовал слово «гитлеризм» и избежал слова «фашизм», поскольку иначе ему пришлось бы признать, что США – крупнейшая в истории человечества *«империя зла»*.

Тему «филологии» мы подняли в связи с тем, что современный человек живет в «королевстве кривых зеркал». Понять, как устроены современная «экономика» и «рынок», что такое «деньги» и «банки», каковы причины экономических, финансовых и банковских кризисов, сегодня крайне сложно. Для этого надо оторваться от «букварей» и «катехизисов», которые писали «профессиональные экономисты» под диктовку экспертов из Международного валютного фонда по заказу тех, кто правит в этом «королевстве». А правят в этом королевстве ростовщики. Те самые ростовщики, о которых писал еще Аристотель (раскрывая сущность хрематистики) и прихода которых к власти он так боялся.

Критика материалистического взгляда на общество и историю

Большинство из нас, живущих в начале XXI века, до сих пор воспринимает всемирную историю через призму марксистской схемы *«общественно-экономических формаций»* (ОЭФ).



«Капитал» Карла Маркса

У нас марксизм уже лет двадцать как официально низвергнут со своего пьедестала. Но идеи Маркса продолжают жить. Во время последнего экономического и финансового кризиса неожиданно начался «ренессанс» марксизма, что проявилось в увеличении числа публикаций по экономическому учению К. Маркса, появлении толстых томов «Капитала» и других произведений Маркса на полках книжных магазинов, росте интереса студентов к теориям Маркса. Безусловно, марксизм – существенно более «тонкое» в интеллектуальном смысле учение, чем разные примитивные идеологии неоллиберализма, монетаризма и «прогресса» которые обрушивались на наши головы в течение двух десятилетий, и которые, как нам кажется, не смогли прочно укорениться в общественном сознании нашего народа. Мы в данной работе уделяем повышенное внимание марксизму как мировоззрению, которое глубоко засело в подсознании старшего и среднего поколений. К тому же в нашей истории уже были времена, когда значительная часть нашего образованного общества подпадала под гипнотическое очарование марксизма (конец XIX – начало XX века), что в конечном счете привело к трагедии 1917 года.

Мы вынуждены напомнить читателю некоторые азы марксизма, для того чтобы продолжить наш разговор. Упомянутая нами ОЭФ – совокупность «экономического базиса» и «надстройки». «Экономический базис» – система экономических отношений между людьми по поводу производства, обмена, обращения и потребления продукта трудовой деятельности. «Надстройка» – система отношений (и норм отношений) между людьми в сфере культуры, политики, права, идеологии и религии. «Базис» в этой конструкции первичен, «надстройка» – вторична и зависит от существующих в обществе экономических отношений. Согласно этой схеме история человечества представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций: первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и коммунистического строя. «Двигателем» исторического процесса выступает

«развитие производительных сил», которое сначала ведет к изменению «экономического базиса», а затем «надстройки» и всей формации.

Маркс занимал позицию воинствующего материалиста и потратил немало сил, времени и бумаги для нападок на религию, для того чтобы скинуть с нее покров «таинственности». Мысль его предельно проста: религия – «продукт» производственных отношений или даже «продолжение», «форма» производства. Вот пример его рассуждений на тему «производство и религия»: «Религия, семья, государство, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону»¹². В других работах он в разных вариантах повторяет один тезис: «не религия создает человека, а человек создает религию»¹³.

Как известно, К. Маркс мало что придумывал нового. Он был прекрасным компилятором, заимствуя идеи у своих предшественников и современников. Об этих компиляторских способностях классика марксизма прекрасно свидетельствует его ревнивый последователь В. И. Ленин в своей известной статье «Три источника и три составные части марксизма»¹⁴. Вот и учение об ОЭФ у Маркса также «заимствованное». Принадлежит оно французскому социалисту-утописту Сен-Симону (1760–1825). Марксу идея французского социалиста о формациях понравилась, так как «работала» на его идеи о «прогрессивности» капитализма по сравнению с эпохой «мрачного» феодализма и о «неизбежности» победы коммунизма¹⁵. Вот что пишет об этом «заимствовании» наш современный русский философ Ю. Бородай: «При внимательном рассмотрении вопроса обнаруживается, что историческая последовательность формаций – это запущенная в оборот Сен-Симоном кабинетная схема поступательного прогресса от рабского, крепостного, наемного – к свободному социалистическому труду. Эту схему в партийно-пропагандистских (но не исследовательских!) целях использовал и Маркс, и особенно Энгельс»¹⁶.

Сегодня обнаруживается все больше материалов, появляется все больше исследований, из которых следует, что Маркс сам не особенно верил в схему истории, базирующуюся на «железной» последовательности смены общественно-экономической формации. В частности, Маркс постоянно внушал русским народникам и социалистам, что Россия неизбежно должна пройти через «горнило» капитализма, что прямой путь к социализму для нее заказан. Вместе с тем из архивных материалов становится понятно, что Маркс считал возможным развитие России по некапиталистическому пути на основе ее сельской общины¹⁷. Однако Маркс как политически ангажированный писатель и «ученый» не мог об этом говорить вслух. Ему надо было любыми правдами и неправдами втянуть Россию в лоно капитализма.

Описание исторического процесса как смены общественно-экономических формаций – слишком большая абстракция, упрощение и откровенное искажение.

Во-первых, марксизм не может внятно объяснить, каким образом «развитие производительных сил» оказывается «главным фактором» общественного развития. У марксистов иррациональное, почти религиозное восприятие «производительных сил», которые они наделяют какой-то мистической внутренней силой. Что-то напоминающее фетишизм или древнее язычество. Согласно такому «научному» мистицизму приход в мир и в нашу страну капитализма

¹² Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 42. С. 117.

¹³ Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 252.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23.

¹⁵ Свое учение об общественно-экономической формации Маркс изложил в следующих своих произведениях: «Нищета философии» (Собр. соч. 2-е изд.-е. Т. 4); «Предисловие „К критике политической экономии“» (Т. 13); «Капитал», тт. 1–3 (Тома 23–25); «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» (Т. 46, Ч. 1–2).

¹⁶ Бородай Ю. Третий путь. Наш современник, № 9. 1991.

¹⁷ См., в частности: Маркс К. наброски ответов В. И. Засулич // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400–421; Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121. См. также: Кара-Мурза С. Г. Карл Маркс против русской революции. – М.: Алгоритм, 2008.

– это результат действия «объективных законов», запрятанных в «черном ящике» под названием «производительные силы».



О. Сергей Булгаков

Бывший «легальный марксист» *С. Булгаков*, переболев марксизмом с его вульгарным материализмом, принялся искать более глубокие и мистические «пружины», которые двигают общество и хозяйство. В своей работе *«Философия хозяйства»* и последующих произведе-

ниях в качестве такого первоисточника развития он определил некую таинственную Софию и пытался обосновать эту метафизическую категорию с позиций православия.

Вместо этого родилась ересь *софианства*. София Сергея Булгакова – «нечто», не принадлежащее ни тварному миру, ни Богу. Конструирование софианской ереси для объяснения причин и целей мирового исторического процесса – лишь один из примеров того, как критики марксизма предлагают «преодолеть» чисто материалистическое понимание истории. Происходит замена одной ереси другой. Потому что ее авторы ищут ответы за пределами христианского мировоззрения¹⁸.

Во-вторых, те же самые «производительные силы» у классика марксизма оказываются главным критерием «*прогресса общества*. По мнению Маркса, капитализм с его промышленной революцией является шагом вперед в развитии производительных сил и, следовательно, более прогрессивен по сравнению с феодализмом. Мы привыкли рассматривать Маркса как непримиримого критика капитализма. Но вот что удивительно: Маркс оценивает капитализм как «прогрессивный» строй по отношению к феодализму и приписывает ему исключительно важную «*цивилизующую миссию*: «В простом понятии капитала должны содержаться его цивилизующие тенденции»¹⁹. «Цивилизующее» значение капитализма *К. Маркс* видел, в частности, в том, что при этом строе капитал приучит человека трудиться на другого человека без какого-либо внешнего принуждения. Тогда, в первой половине XIX века, это было удивительно слышать, ибо капиталистическая эксплуатация даже в самой «передовой» капиталистической стране – Англии – жидилась на жестокости и насилии. А Маркс прозорливо писал: «Историческое назначение капитализма будет выполнено тогда, когда... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения»²⁰. Маркс признает в «Капитале», что повсеместно в Европе, Америке, Азии капитализм на первых порах – это «цивилизованный ужас чрезмерного труда»²¹. Далее он пишет: «капитал, будучи правильно понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем прищипывании», а чуть ниже вновь проявляет уверенность в том, что в какой-то момент времени такое «прищипывание» (принуждение к труду) будет излишним: «дисциплинирование... на известной ступени... становится излишним»²². Надо отдать должное прозорливости Маркса: сегодня в странах Запада мы видим достаточно доказательств «всеобщего трудолюбия» на капиталистических предприятиях. О причинах такого «трудолюбия» и «сознательности» наемных работников мы будем говорить ниже²³.

В качестве другого важного проявления «цивилизующего» влияния капитализма Маркс рассматривал освобождение общества от «предрассудков религии». Сам Маркс, как известно, будучи потомком раввинов и крещеным (лютеранином), уже в молодости стал испытывать отвращение (граничащее с сатанизмом) к христианству, а в зрелом возрасте занял «научно обоснованную» богоборческую позицию. Никто не оспаривает, что Маркс – вульгарный материалист и воинствующий атеист.

Вот и мы сегодня в качестве эталона «цивилизации» часто рассматриваем страны «победившего капитализма». Но не очень-то укладываются в наше понимание «цивизованности» те картины капиталистической эксплуатации и капиталистического разбоя, которые рисует

¹⁸ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. *Философия хозяйства*. К 100-летию выхода в свет работы о. Сергея Булгакова // Русская народная линия, 02.08.2012.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 302.

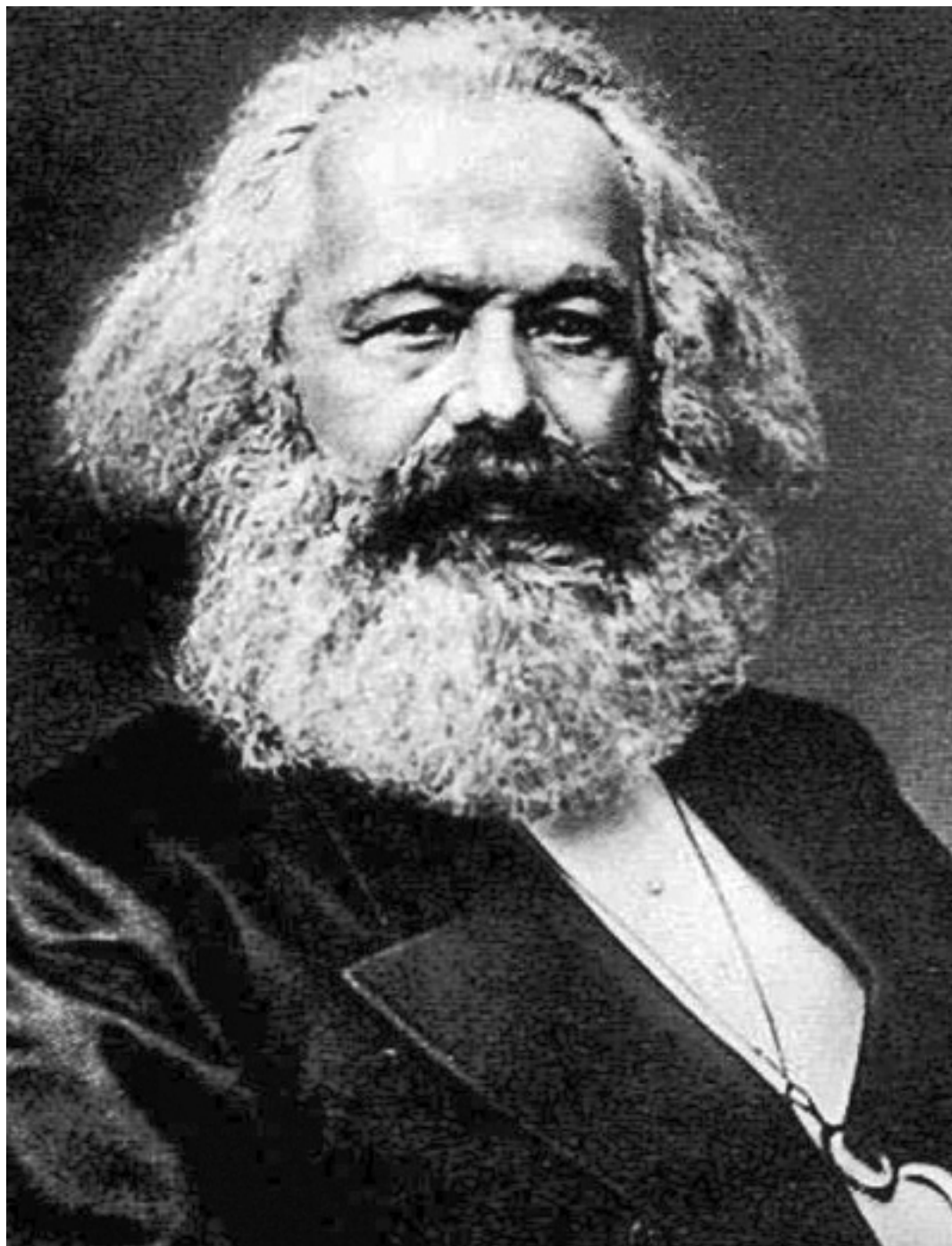
²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 280.

²¹ Там же, Т. 23. С. 247.

²² Там же, Т. 23. С. 393.

²³ Конечно, еще далеко до идеала, т. к. периодически все-таки возникают забастовки и протесты. Но в основном это случается в моменты кризисов.

Маркс в своем «Капитале» (в основном на примере Англии). Да и в сегодняшние дни капитализм – это не только Швейцария или Люксембург, но также Бразилия, Нигерия, Пакистан и многие другие страны третьего мира, которые стали частью мировой капиталистической системы. А ведь там каждый день от голода умирают десятки тысяч людей.



Карл Маркс

Да и с «цивилизованным» Западом не все понятно: там уже в течение нескольких десятилетий идет активный процесс деиндустриализации. Нужно иметь очень извращенную фантазию и не меньшую научную недобросовестность, чтобы назвать страны Запада «образцом»

развития производительных сил. Даже если смотреть на мир глазами материалиста, возникает сильное сомнение в том, что последовательная смена общественно-экономических формаций по схеме Маркса есть действительный «прогресс человечества».

В-третьих, никаких «чистых» формаций в истории не было и нет. В любом обществе в любой момент времени можно видеть *сосуществование элементов многих форм экономических отношений* («способов производства»). Считается, что XIX век – это эпоха «классического капитализма». Но в это время в колониях таких «капиталистических» стран, как Великобритания, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия, число настоящих (без кавычек) рабов было на порядок больше, чем число занятых во всех отраслях экономики метрополий. Да что там рабы колоний! В Соединенных Штатах Америки до 60-х гг. XIX века рабов было больше, чем наемных работников. Ю. Бородай пишет: «В первой половине просвещенного XIX столетия (до 1864 года) в буржуазных США рабов было больше, чем в Древнем Египте, Древней Греции и Римской империи вместе взятых»²⁴. Сегодня на дворе «просвещенное» XXI столетие. Но в нынешней Африке, которая интегрирована в мировое капиталистическое хозяйство, можно встретить почти полностью легализованное рабство, причем наметилась тенденция к увеличению его масштабов и полному выходу из «подполья».

Никто не ставит под сомнение, что мы сегодня живем при капитализме (наша власть, правда, не любят слово «капитализм», заменяя его совершенно бессмысленным словосочетанием «рыночная экономика»). Но в то же время никто не может оспорить очевидный факт: в пределах нашей страны, особенно на Северном Кавказе, существует самое настоящее рабовладение (правда, в отличие от Африки пока нелегально)²⁵.

И в то же время в древнем мире, прежде всего в *Древнем Риме* наряду с рабовладением (частное, а иногда государственное право собственности на людей, работников) существовал капитализм, образуя причудливые сочетания того и другого. На это обращали внимание многие исследователи, о существовании которых нам было не положено знать в эпоху торжества марксизма (хотя сами классики марксизма вскользь об этом говорили).

Чтобы получить реальное представление о мировой истории, векторе развития человечества, устройстве общества, нам придется отойти от привычных представлений, базирующихся на марксистском материалистическом учении об общественно-экономической формации. Для этого нам надо эту самую формацию поставить с головы на ноги. Тогда мы получим модель общества, которую условно можно назвать «общественно-духовной формацией». Эта модель также состоит из двух элементов – базиса и надстройки. Только в качестве базиса общества выступает *духовное состояние общества*, а надстройки – *все общественные отношения: экономические, политические, правовые, а также культура, государство и иные общественные институты*. Понятие «общественно-духовная формация» – синоним более распространенного сегодня понятия «цивилизация».

²⁴ Бородай Ю. Третий путь // Наш современник. № 9, 1991.

²⁵ Басов С. Л. О современном рабстве в России // Интернет-журнал «Самиздат».



Н. Я. Данилевский

Основы учения о цивилизации заложил наш русский ученый *Н. Я. Данилевский* (1822–1885), автор известной книги «Россия и Европа». У Данилевского еще не было термина «цивилизация», он использовал термин «культурно-исторический тип». Через несколько десятков лет после Данилевского работы по истории человечества как процессу смены одних цивилизаций другими появились за рубежом (*Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер*). Духовное состояние общества – это, прежде всего, религиозное сознание общества, его отдельных членов. Это «базовые», «первичные» нормы, определяющие поведение членов общества, их отношение к Богу, другим членам общества, природе. Эти нормы формируют систему ценностей, цели жизни отдельного человека и общества в целом, обуславливают выбор средств достижения этих целей и т. п. Хотя духовный мир является невидимым и нематериальным началом, нормы поведения, формируемые в этом мире, являются жесткой и очень устойчивой конструкцией,

своеобразным фундаментом общества. Все, что надстраивается над этим фундаментом, может быть видимым и даже материальным, но менее устойчивым, более изменчивым. Но когда ломается фундамент («духовный базис»), тем более обваливается вся «надстройка». Духовный базис существует в любом обществе – даже атеистическом.

И в этом случае люди «веруют»: они верят, что Бога как творца и промыслителя (управляющего своим творением) не существует. При этом они обязательно находят себе замену Бога в чем-то другом (веруют в материю, «прогресс», деньги, науку и т. п.; чаще всего такая вера является неосознанной); исходя из этого «верования» они формируют свое сознание и свое поведение.

Если мы отойдем от вышеописанной схемы описания общества как общественно-экономической формации, то увидим следующее: древний мир (особенно Древний Рим) и современное капиталистическое общество имеют много общего. В частности, для них характерно *сосуществование рабства и капитализма*. С цивилизационной точки зрения данный тип общества можно назвать «денежной цивилизацией»²⁶.

Подобное сочетание не является случайным. Если попытаться дать объяснение поразительному сходству общества Древнего Рима и современного капиталистического общества, то наш ответ будет очень коротким: **это два общества, представляющие одну и ту же общественно-духовную формацию (цивилизацию). Духовным базисом этой формации выступает язычество, имеющее тенденцию перерастать в свою «высшую» форму – сатанизм.** При таком взгляде на историю сразу рассыпается в пыль марксистское представление о «прогрессе», которое прочно въелось в сознание современного человека. Приходит понимание того, что человечество, выражаясь словами *апостола Петра*, как «пес возвращается на блевотину свою», и как «вымытая свинья идет валяться в грязи»²⁷. Иначе говоря, человечество опять оказывается у опасной черты, за которой гибель – и духовная, и физическая.

Нами недавно была сделана первая попытка осмыслить с позиций православного мировоззрения некоторые вопросы современного капитализма, особенно относящиеся к сфере денег, кредитов, финансов. Результаты этого осмысления были изложены нами в книге «*О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном*»²⁸. Сейчас мы продолжаем осмысление некоторых вопросов, поднятых в этой книге.

Большинство авторов, идя на поводу у официальной идеологии, вообще обходятся без слова «капитализм», заменяя его «политкорректным» термином «рыночная экономика»²⁹. Те же, кто использует слово «капитализм», обычно под ним понимают всего лишь определенную модель экономического устройства общества. И только немногие вдумчивые авторы обращают внимание на то, что *капитализм – это не только и не столько экономика, сколько духовное устройство общества и отдельно взятого человека*³⁰. К сожалению, наша официальная богословская наука в этом вопросе не идет дальше ссылок на ставшую классической работу начала XX века *Макса Вебера* «Протестантская этика и дух капитализма». В ней автор доказывает, что капитализм как экономическая система возник в результате Реформации и появления на

²⁶ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школьных технологий, 2011. Кн. 1 и 2. Ближким к понятию «денежная цивилизация» является понятие «цивилизация каинова типа» (см. Забегайло О. Н. Духовное понимание истории. – М.: Серебряные нити, 2009). Сегодня многие исследователи выделяют существующие в мире типы общества по признаку формально доминирующей в обществе религии: мусульманской, буддистской, протестантской, католической, синтоистской и т. п.

²⁷ 2 Петр. 2:22.

²⁸ Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школьных технологий, 2011. Кн. 1 и 2.

²⁹ Я уже не раз писал о бессмысленности и даже абсурдности этого словосочетания (см., например: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. С. 53–55, 60–62).

³⁰ Одна из последних такого рода публикаций: Молотков А. Христианство и идеология рынка // Журнал «Молодая гвардия», 2011. № 4.

свет новой «религии» под названием «протестантизм». Но о Максе Вебере и его работе у нас разговор будет позднее³¹.

³¹ См.: гл. 3 «Макс Вебер и „протестантский капитализм“».

Глава 2 «Русский капитализм»

Русский капитализм мог бы быть теперь только кабально-колониальным капитализмом азиатского образца... Реставрация буржуазной России означала бы для «настоящих», «серьезных» реставраторов не что иное, как возможность колониальной эксплуатации России извне.

Л. Троцкий (25 апреля 1930)³²

Капитализм как фрагмент русской истории

В более чем тысячелетней своей истории Россия почти не знала капитализма. Лишь в последние несколько десятилетий XX века и в начале XXI века (т. е. не более полувека) Россия двигалась по капиталистическому пути. Хотя история так называемого «русского капитализма» крайне короткая, но очень поучительная.

В течение последних 20 лет существования Российской Федерации и непрерывных «реформ» в стране идут непрерывные разговоры и дискуссии по поводу того, какой путь выбрать России. То есть «реформы» осуществляются, а цели социально-экономического движения страны не определены. Или, по крайней мере, эти цели не продекларированы.

Современную, реально сложившуюся социально-экономическую модель России ученые, политики, экономисты, социологи, богословы и журналисты оценивают по-разному. Выше мы называли основные социально-экономические признаки капиталистической модели общества:

- а) отчуждение свободного работника от средств производства (земля, орудия производства, сырье);
- б) превращение свободного работника в наемного работника;
- в) эксплуатация наемного работника капиталистом-работодателем, присвоившим средства производства;
- г) получение капиталистом в результате эксплуатации прибавочной стоимости;
- д) превращение товарно-денежных отношений в доминирующую форму экономических отношений в обществе.

В той или иной мере все эти признаки присутствуют в нашей сегодняшней жизни, поэтому никто особенно не оспаривает факт, что в России утвердился именно *капитализм*. Споры и дискуссии идут в основном вокруг вопроса: что это за капитализм? Существуют различные определения нашего капитализма: «государственный», «феодальный», «отсталый», «периферийный», «зависимый», «дикий», «варварский», «бандитский», «олигархический», «коррупционный» и т. п. На самом деле большинство из этих и подобных определений лишь дополняют друг друга, делая акцент на различных аспектах существующей социально-экономической модели общества, которую условно можно назвать «*новый русский капитализм*» (в отличие от «*старого русского капитализма*», который существовал до 1917 года). С большинством приведенных выше определений мы полностью согласны. При этом критики «нового русского капитализма» предлагают свои рецепты по преодолению отдельных «дефектов» этой модели.

³² «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», май 1930 (№ 11).

Например, критики «олигархического» капитализма считают, что самое главное, что мешает социально-экономическому развитию России, это – высокая степень монополизации российской экономики, и предлагают меры по последовательному демонтажу монополий, принадлежащих отечественным олигархам, и всяческому поощрению развития малого и среднего бизнеса. Такая альтернатива в нашей литературе называется *«народным»* или *«демократическим» капитализмом*.

Критики «зависимого» (а также «периферийного») капитализма уверены, что происшедшая за два десятилетия глубокая «интеграция» российской экономики в мировую превратила Россию в «сырьевую колонию», которая нещадно эксплуатируется западными монополиями. Последние установили жесткий контроль над российской экономикой через скупку российских активов, предоставление кабальных кредитов, привязку денежной системы к американскому доллару и т. п. Такой «зависимый» капитализм ведет в конечном счете также к утрате суверенитета России и к ее полному исчезновению с политической карты мира. Соответственно, предлагаются меры по приоритетному развитию внутреннего российского рынка, восстановлению промышленности и сельского хозяйства, постепенному отходу от «сырьевой» специализации, усилению протекционизма и т. п. Короче говоря, предлагается модель «зависимого», или «колониального», капитализма заменить на модель *«национального» капитализма*. Социально-экономической базой последнего должны стать отечественные банки, промышленные компании и торговые фирмы, выстраивающие между собой прочные экономические связи и формирующие внутренний рынок. Иностраный капитал в такую экономику не допускается.

Критики «государственного» капитализма (близки к этому направлению также критики «феодального» капитализма) акцентируют внимание на том, что государство в сегодняшней России превратилось в тормоз социально-экономического развития. Государство порождает коррупцию и искажает «рыночные стимулы». Чаще всего критики «государственного» капитализма предлагают сократить масштабы присутствия государства в экономике и больше полагаться на «невидимую руку» рынка.

Фактически речь идет о модели так называемого *«рыночного» капитализма*, называемого еще *«свободным» капитализмом*. В 2012 году началась новая волна приватизации государственных активов в российской экономике, это свидетельствует о том, что на данном отрезке нашей истории эта модель поддерживается и поощряется российскими властями.

Критики «дикого» капитализма вспоминают приватизацию 1990-х годов, когда государственная собственность была за бесценок роздана «новым русским». Они справедливо называют такую приватизацию «грабежом» и предлагают провести пересмотр результатов приватизации. А затем провести «правильную» приватизацию и развивать российскую экономику на путях «рыночного», «национального» или какого-либо иного капитализма. На языке критиков «дикого» капитализма эта альтернатива называется *«цивилизованным»* или *«классическим» капитализмом*.

Некоторые критики «дикого» капитализма в противовес критикам «государственного» («феодального») капитализма считают, что необходимо усиление позиций государства в экономике. То есть предлагается модель именно *«государственного» капитализма*. Среди сторонников модели «государственного» капитализма можно особо выделить поклонников модели так называемого *«корпоративного» капитализма*. Такой капитализм впервые был апробирован в фашистской Италии во времена Муссолини, а затем был использован в нацистской Германии (данная модель предполагает жесткое государственное регулирование корпораций в разных отраслях экономики; последние формально сохраняют статус частных структур; в условиях «корпоративного» капитализма резко сокращается сфера товарно-денежных отношений).

Можно до бесконечности продолжать обзор различных концепций современного социально-экономического развития России, которые находят свое отражение в статьях и книгах

различных экономистов, социологов и политологов, программах политических партий, предвыборных выступлениях «независимых» политиков. Все они содержат очень острую и справедливую критику различных сторон «нового русского капитализма». Однако, к сожалению, 90 % этих концепций в качестве альтернативы нынешней модели предлагают различные альтернативные модели капитализма (хотя почти ни в одной из них термин «капитализм» не используется). С нашей точки зрения, все эти альтернативные модели сеют иллюзию, что Россия может развиваться по капиталистическому пути, при этом оставаясь православной страной. Мало кто из авторов и политиков откровенно замахивается на то, чтобы искоренить православие как «тормоз» социально-экономического развития страны³³. Все они в той или иной мере предполагают наличие тех пяти важнейших социально-экономических признаков, которые присущи любой модификации капитализма. Каждый из этих признаков противоречит христианским принципам.

Особо стоит остановиться на идее возрождения «старого русского капитализма». Такая идея витает в воздухе еще со времен последних лет существования СССР, когда стали появляться интересные публикации о дореволюционной России и ее экономике. Возникла определенная идеализация той социально-экономической системы, которая складывалась в России до 1917 года.

Один из примеров такой идеализации дореволюционной экономической модели – фундаментальная работа М. В. Назарова «Вождю Третьего Рима». Автор стоит на православно-патриотических позициях, в целом работа очень глубокая и интересная. Но вот с содержащейся в ней оценкой социально-экономического положения России перед революцией согласиться нельзя. М. Назаров пишет: «... благодаря реформам Александра II и политике Александра III с 1890-х годов начался небывалый подъем российской экономики. Этому способствовали также введенные в 1891 году протекционистские таможенные тарифы, защищавшие отечественного производителя. Вместо притока импортных товаров это дало приток иностранных капиталов для организации производства... В 1897 году была введена устойчивая золотая валюта, покупательная способность которой не колебалась в дальнейшем даже в годы войны»³⁴. Говоря об уровне жизни народа в начале XX века, В. Назаров отмечает, что «кое в чем дореволюционная Россия не уступала даже современным странам» (автор приводит сравнения отдельных социальных показателей по России 1913 года и СССР и ФРГ 1976 года)³⁵. Заключает обзор социально-экономического положения России накануне Первой мировой войны Назаров следующими словами: «... в начале XX века у России были шансы стать для всего мира воочию вселенским Третьим Римом в современном варианте, сочетающем экономическое развитие, социальную справедливость и истинную веру»³⁶.

Почему же в России на фоне описанного М. Назаровым «благополучия» произошли три «русские» революции, которые увенчались захватом власти большевиками? М. Назаров усматривает здесь целый ряд причин – как внешних, так и внутренних.

Внешние причины – деятельность так называемой мировой «закулисы» – сил, враждебных России, сил, которые преследовали в нашей стране свои экономические, политические и духовные цели. Экономическая цель – установление полного контроля над ресурсами и хозяйством России. Политические цели – превращение России в марионетку Запада, ликвидация в ней ненавистного Западу монархического строя. Духовные цели – ликвидация христианства,

³³ Примером человека, который считает православие таким «тормозом», является известный журналист В. Познер. В одном из интервью он заявил: «Я считаю, что Русская Православная Церковь нанесла колоссальный вред России». Впрочем, Познер прибыл к нам из Америки, является носителем совершенно другой культуры, и его вряд ли можно назвать русским человеком.

³⁴ Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. – М.: Русская идея, 2004. С. 77.

³⁵ См. там же. С. 81–83.

³⁶ См. там же. С. 89.

по крайней мере, в его православной форме. В целом мы согласны с описанием и оценкой внешних причин, приводимых Назаровым.

Среди внутренних причин Назаров выделяет следующие: «крестьянский вопрос» (незавершенность аграрной реформы, начатой Столыпиным); «национальный вопрос»; «еврейский вопрос»; особая роль в российском обществе так называемого «ордена русской интеллигенции» (как источника демократических, антимонархических идей; решающая роль интеллигенции в создании политических партий и учреждении Государственной Думы как рассадника революционных идей и т. п.). Не будем сейчас анализировать подробно характеристику подробно описанных Назаровым внутренних причин. В чем-то он прав, в чем-то он неточен, в чем-то ошибается. Но если говорить о главной ошибке в объяснении социально-экономических причин «русских» революций, то это отсутствие в списке этих причин быстрого развития капиталистических отношений в русском обществе.

Назаров совершенно справедливо говорит о высоких темпах экономического развития России накануне Первой мировой войны. Но вот про «цену» этих достижений он почти ничего не говорит. Он восхищается быстрым притоком иностранных инвестиций в российскую экономику. А между тем постепенно и незаметно западный капитал захватывал ключевые позиции в экономике России – добывающей и обрабатывающей промышленности, торговле и, что особенно важно, банковском секторе. В 1910 году в нефтяной промышленности России 80 % капитала находилось в собственности трех иностранных компаний – американской «Стандарт ойл», англо-голландской «Шелл» и шведской «Нобель». В 1912 году у иностранцев было 70 % добычи угля в Донбассе. Кроме того, иностранцам принадлежало 90 % добычи платины, в их собственности находились 90 % акций электрических и электротехнических компаний, все трамвайные предприятия и т. д.³⁷

Примечательно, что банки распространили свои щупальца на всю российскую экономику, приобретая контрольные пакеты акций. В 1910 году 88 % всех акций российской металлургии находились в руках банков, причем $\frac{2}{3}$ этих акций принадлежали парижскому банковскому консорциуму из трех французских банков. В судостроении банкам принадлежало 96 % капитала, в том числе 77 % – парижским. В паровозостроении 100 % акций находились в руках двух банковских групп – парижской и немецкой³⁸.

Россия обеспечивала быстрое экономическое развитие также с помощью иностранных (в первую очередь, ротшильдовских) займов. И накануне Первой мировой войны Россия, добившись ценой невероятных усилий четвертого (по другим данным – пятого) места в мире по объему промышленного производства, заняла прочно первое место по величине внешнего долга. Назаров говорит о «золотом рубле», который был, по его мнению, самой прочной валютой в мире. Но российский рубль поддерживался за счет золотых кредитов все того же Ротшильда. А «золотой рубль» был навязан России в самом конце XIX века Западом (денежная реформа С. Ю. Витте 1897 года) для того, чтобы обеспечить возможность вывоза из России дивидендов и процентов по займам в «самой прочной валюте в мире». Об этом убедительно писал царский генерал А. Нечволодов в своей книге «От разорения к достатку» (1906): «Привлечение иностранных капиталов в государство сводится к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и вывозу за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства»³⁹.

И еще о «быстром экономическом развитии» России в начале XX века. Результаты растущего производства в нашей стране доставались преимущественно не русскому народу, поскольку параллельно с ростом производства шло увеличение экспорта продукции за пре-

³⁷ Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 588.

³⁸ Там же. С. 588.

³⁹ Нечволодов А. От разорения к достатку – СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии. 2007. С. 10.

дела России. В основном экспорта сырья и полуфабрикатов. Обработывающая промышленность явно отставала от добывающей, а ассортимент готовой промышленной продукции был крайне узок. Поэтому параллельно нарастал импорт готовой промышленной продукции, особенно машин и оборудования, другой высокотехнологичной продукции. Россия все больше превращалась в сырьевой придаток Запада, нарастало ее техническое отставание. Хотя темпы экономического развития России после отмены крепостного права были выше, чем у многих европейских стран и США, разрыв в уровнях душевого потребления между Россией и капиталистическим Западом не уменьшался, а, наоборот, рос. Согласно совместному исследованию, проведенному Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР в конце 1980-х годов, в 1861 году душевой национальный доход России составлял примерно 40 % по сравнению с Германией и 16 % – по сравнению с США. В 1913 году соответствующие цифры были равны 32 и 11,5 процента⁴⁰. Таковы плоды того, что Россия вступила на путь зависимого капиталистического развития.

Развитие капитализма вело к разрушению крестьянской общины, социальной поляризации общества, появлению в городах безработных и тех самых люмпен-пролетариев, которые «орденом русской интеллигенции» и мировой закулисы использовались позднее в качестве «расходного материала» революций. Самое главное, что капитализм вел к быстрому духовному разложению общества, упадку веры, кризису Русской Православной Церкви (об этом кризисе, кстати, Назаров пишет). Капитализм (причем еще не в полной мере развившийся) привел к тому, что сочетание «экономического развития, социальной справедливости и истинной веры» (слова М. Назарова) в России стало невозможным. В 1917 году русский народ оказался перед альтернативой:

- а) дальнейшее капиталистическое развитие (Февральская революция);
- б) социалистическое развитие (Октябрьская революция).

Из двух зол русский народ выбрал меньшее. По крайней мере, в рамках социалистической альтернативы ему предлагали «социальную справедливость», идея которой находилась в генах русского православного человека. Идеи «экономического развития», «демократии» и «прогресса», которые выдвигались в рамках капиталистической альтернативы, были малопонятны русским, и они интуитивно воспринимались как чуждые.

Конечно, большевики в дальнейшем отказались от многих своих лозунгов, фактически обманув русский народ. Но события 1917 года стали «лакмусовой бумажкой», отразившей антикапиталистические настроения русского православного человека⁴¹.

Капитализм и Церковь

Отсутствие серьезной духовной оценки нынешнего общества не способствует, мягко говоря, спасению души христиан в современных крайне трудных (не только с социально-экономической точки зрения) условиях. Уже не приходится говорить о том, что это делает малопродуктивной деятельность наших социологов, экономистов и политологов по поиску выхода России из ее социально-экономических и политических «тупиков».

Определенная отстраненность Церкви от социальных проблем имеет свои исторические корни. На протяжении многих веков Церковь существовала в условиях традиционного общества и руководствовалась так называемой умеренной хозяйственной доктриной. Суть ее в том, что Церковь не возражает против богатства, накапливаемого человеком, но призывает не привязываться к нему душой. При этом допускается частная собственность. Большая часть жизни

⁴⁰ Мухин Ю. Наука управлять людьми: изложение для каждого. – М.: Фолиум, 1995. С. 116.

⁴¹ Подробнее см.: Антонов М. Ф. Капитализм в России не бывает! – М.: Яуза, Эксмо, 2005 (гл. 12 «О дореволюционном российском „капитализме“»).

человека традиционного общества протекает в «малом» круге – круге своих единомышленников (для христианина – это окружение таких же, как он, христиан). При распаде традиционного общества и быстром развитии товарно-денежных отношений христианин оказывается втянутым в «большой» социум, где привычное ему христианское окружение почти отсутствует. Невольно такой человек начинает задумываться над вопросом: как ему, будучи христианином, жить в этом «большом» социуме? Приспосабливаться? Бежать из этого социума «в леса»? Преобразовывать «большой» социум на христианских началах? Искать пути возвращения в традиционное общество? Церковь, к сожалению, слабо помогает человеку разобраться в этих сложных вопросах, продолжая по инерции общаться со своей паствой как сообществом асоциальных людей.

Но в какой-то момент времени не только перед паствой, но и перед самой Церковью как земной организацией, которая сама существует не в «четвертом» измерении, а в «большом» социуме, такие вопросы встают в полный рост. Становится очевидным, что «умеренная» хозяйственная доктрина христианства, асоциальная по своей сути, сегодня не устраивает никого. Остается выбор двух достаточно «социально заточенных» доктрин:

- а) «святоотеческая» доктрина (идея коллективизма, общественной собственности и т. п.);
- б) «протестантская» доктрина (ориентация на прибыль, частная собственность, наемный труд и т. п.).

И церковная иерархия делает выбор в пользу «протестантской» доктрины. Выбор этот не афишируется. Иногда он даже прикрывается небольшими дозами антикапиталистической риторики.

Наши церковные власти порой критикуют отдельные стороны сложившейся в России социально-экономической системы, но при этом не дают принципиальной и целостной духовной ее оценки. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, такой документ, как *«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»* (принят на Архиерейском Соборе РПЦ в 2000 году). Также можно отметить *«Соборное слово XI Всемирного Русского Народного Собора»*, посвященное проблеме богатства и бедности в мире и современной России (март 2007 года) и т. д. К большому сожалению, подобного рода документы не дают сколько-нибудь ясного представления о том, каков социально-экономический идеал нашей православной Церкви, и даже могут создавать иллюзии относительно того, что капитализм и христианство способны уживаться и даже в чем-то дополнять друг друга.

В своем ощущении отсутствия внятной позиции нашего церковного руководства по социально-экономическим вопросам я не одинок. Например, А. Журавлев в своей статье «Религиозная этика и бизнес» в начале 2004 года писал: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые юбилейным архиерейским собором в августе 2000 года, к сожалению, не дают ясного представления о православном взгляде на экономическую жизнь во всем ее разнообразии. Возможно, это является следствием компромиссного характера данного документа, четко формулирующего позицию РПЦ в основном по вопросу собственности: «Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм...» Видимо, «Основы социальной концепции...» – не тот документ, в котором пристало разбирать в подробностях макроэкономическую и даже политэкономическую проблематику. Однако когда автор, готовя эту статью, обратился в службу коммуникации Московской патриархии с просьбой назвать иные, кроме «Основ...», источники, имеющие отношение к экономическим воззрениям русского православия, ответа не было»⁴².

⁴² Журавлев Андрей. Религиозная этика и бизнес // «Русский предприниматель», 2004. № 1–2.

Однако как раз в начале 2004 года на свет появился «православный» документ, имеющий отношение к экономической проблематике, – «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании» (он разрабатывался при активном участии наших церковных властей и был принят в феврале 2004 года на VIII Всемирном Русском Народном Соборе). Мне пришлось провести детальный анализ данного документа, в результате которого я пришел к следующему выводу: «Свод нравственных принципов» призван лишь упорядочить «дикий» капитализм в России и придать ему некий вид «цивилизованного» капитализма, а погоню бизнеса за прибылью узаконить как «норму» нашей жизни (на языке разработчиков документа это называется «православное предпринимательство»). В этой связи у меня родилось предложение дать ему более короткое и точное название: «*Моральный кодекс строителя капитализма*»⁴³. Некоторые скажут, что автор данной книги слишком строг и придирчив в своей оценке. Но, слава богу, он не одинок в своей оценке.

Вот что пишет по поводу данного документа современный исследователь капитализма Александр Молотков: «Даже при самых благонамеренных попытках христианского оправдания предпринимательской деятельности, основанной на личном интересе, при самых обтекаемых и сбалансированных формулировках, никогда не преодолевается этот принципиальный нравственно ущербный барьер – служения себе. К сожалению, наглядный пример подобной ущербной (если не сказать извращенной) попытки христианского оправдания предпринимательской нравственности дает „Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании“, принятый в феврале 2004 года на Всемирном Русском Народном Соборе. Этот документ невозможно читать без какой-то внутренней тошноты, настолько густо он замешан на духовно-нравственном лукавстве. Каждый его пункт, каждая его мысль, как бы высоко и благородно ни поднимались, в итоге все равно замыкается на себя, на отчужденную от общества самость предпринимателя, ищущего даже в самых высоких заповедях личный предпринимательский интерес. В этом документе нет ничего специфически христианского или русского, в своей нравственной обтекаемости он вполне удовлетворит и любого предпринимателя-иудея (что, видимо, и подразумевалось разработчиками), так как всегда оставляет некоторую нравственную нишу для относительно личного понимания меры экономической справедливости в отношениях с обществом и ближними. Это же относится и к мере жертвенности и благотворительности – в любом случае она ограничивается личной (остаточной) мерой достатка, которую предприниматель определяет для себя сам. В то время как христианское понимание жертвенности предполагает полную самоотдачу Богу и ближнему по примеру „лепты вдовы“ (Мк. 12: 41–44)»⁴⁴.

Под эгидой Московской Патриархии РПЦ все чаще стали проводиться семинары, круглые столы и конференции с достаточно непривычной для нашей церкви тематикой: «православный бэнкинг», «православный фандрейзинг», «православные эндаунтменты», «православные финансовые инструменты» и т. п. Слова исключительно иностранные, которые и на Западе появились сравнительно недавно, когда там уже прочно утвердился капитализм. Часть нашей церковной иерархии, видимо, хочет не отставать от «прогресса» и внедрять капитализм не только в стране, но и внутри церковной ограды. Появляются сообщения о том, что в Патриархии обсуждаются проекты создания и использования в интересах Церкви «православных эндаунтментов» (фондов, инвестиционные доходы которых могут использоваться на финансирование текущих расходов церкви, а основной капитал остается в неприкосновенности) и различных «православных финансовых инструментов» (банковские депозиты, ценные бумаги)⁴⁵

⁴³ Наш анализ данного документа см.: Катасонов В. Ю. Моральный кодекс строителя капитализма // Наше дело, 2010. № 2.

⁴⁴ Молотков А. Христианство и идеология рынка // «Молодая гвардия», 2011. № 4.

⁴⁵ См.: «Русская Православная Церковь создает первый эндаунтмент-фонд» // Сайт «Православие и мир», 22.12.2010; «Православный банкинг и финансовые инструменты в России» // Сайт «Клуб православных предпринимателей», 20.01.2011; Мельников А., Минин С. Духовно-нравственному возрождению потребовались финансовые инструменты // Газета «Проте-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.